

Глава седьмая

Закупившись любимыми деликатесами, Чоу Муи пребывал в добром расположении духа. Теперь он мог позволить себе не спускаться с горы по меньшей мере пару дней. Постоянные разъезды туда и обратно утомляли, и даже живописные виды, которыми он любовался поначалу, со временем приелись.

В этой части города было немногочленно — суета торговых кварталов осталась позади. Редкие прохожие спешили по своим делам, не задерживаясь в тихих переулках. Муи уже собирался свернуть к выходу из теснины домов, когда заметил идущего навстречу мужчину. На вид тому было за сорок, он слегка сутулился, а в руках держал несколько палочек с засахаренными плодами боярышника.

Мальчик сразу насторожился. Он точно знал, что никогда раньше не видел этого человека. В безлюдном месте появление незнакомца, чей взгляд казался липким и недобрый, не сулило ничего хорошего. Как говорится, незваный гость — хуже татарина, а в такой глуши — и подавно.

Муи не знал истинных намерений встречного, а потому лишь замедлил шаг, внутренне собравшись. Он незаметно переложил сверток с едой в левую руку, а правую спрятал в широкий рукав. Пальцы коснулись привычного холода стали. Кинжал, с которым он не расставался с самого первого дня на горе, придал ему уверенности. К счастью, до конца переулка оставалось всего ничего.

Мужчина подошел ближе и нацепил на лицо улыбку, которую сам, вероятно, считал ласковой. Но для Муи это было сродни оскалу лисы, забравшейся в курятник.

— Малыш, а где же твои родители? — елейным голосом проговорил незнакомец. — Одному гулять по таким местам ох как небезопасно.

Муи отступил на шаг, сохраняя дистанцию.

— Мой отец ждет меня впереди, — он уверенно указал за спину мужчины, в сторону выхода из переулка. Мальчик просиял, словно он и впрямь увидел кого-то знакомого. — О, смотрите, а вот и он! Идет сюда!

Похититель детей — а это был именно он — моментально задергался. Одно дело — тихо увести ребенка, и совсем другое — столкнуться с разгневанным родителем. Он трусливо обернулся.

— Да где же он?..

В переулке было пусто. Мерзавец понял, что его обвели вокруг пальца. Сбросив маску доброжелательности, он протянул руку, намереваясь схватить мальчика силой. Но Муи не зря

тратил время на тренировки. Он изначально не рассчитывал на победу в открытом бою со взрослым мужчиной — в его возрасте это было бы глупостью, а не отвагой. Его целью было добраться до людных улиц, где похититель не посмеет действовать открыто.

Едва незнакомец отвернулся, Муи сорвался с места. Кинжал он на всякий случай сжимал в ладони, готовый к худшему. Удача была на его стороне: регулярные занятия боевыми искусствами сделали его тело легким и быстрым. Хотя в силе и выносливости он уступал взрослому, взрывная скорость позволила ему вырваться из ловушки раньше, чем преследователь успел сообразить, что произошло.

Муи вылетел на рыночную площадь, не глядя по сторонам.

Раздался глухой удар.

Мальчик на полной скорости врезался в кого-то и отлетел назад, приземлившись прямо на пятую точку. Чтобы спасти новую одежду в узле и сверток с едой, ему пришлось пожертвовать равновесием. Боль прошла локоть — рукав в месте удара о камни безнадежно порвался.

Осознав, что опасность миновала, Муи поднял голову. Ему нужно было извиниться за свою оплошность. Перед ним стоял другой мальчик, судя по росту — года на два старше его самого. Одет он был богато, а по бокам застыли двое слуг.

Один из сопровождающих тут же бросился поднимать своего маленького господина, осыпая его заботливыми вопросами, а второй, смерив Муи гневным взглядом, шагнул вперед, явно собираясь проучить наглеца.

Муи ловко уклонился от протянутой руки слуги и обратился к сбитому с ног мальчику:

— Прости, я не хотел тебя задеть. Очень торопился и совсем не смотрел под ноги. Ты не ушибся?

Слуга, которого звали Шиянь, разозлился еще сильнее. Если госпожа узнает, что они с Шишу недоглядели за молодым господином, наказания не миновать.

— А ну иди сюда, паршивец!

— Стой, Шиянь! — звонко приказал его юный господин. — Кто позволил тебе так себя вести? Он же ясно сказал: это вышло случайно. Потребовать объяснений — это одно, но распускать руки я запрещаю. Никакого воспитания!

Шиянь осекся. Попасть в немилость к молодому господину было куда страшнее.

Мальчик, усмирив слуг, повернулся к Муи и вежливо улыбнулся:

— Со мной всё в порядке. А вот ты, кажется, поранился. Тебе бы рану обработать. Зачем же ты так бежал из того пустого переулочка? Там ведь ничего интересного нет.

По манере речи и спокойному достоинству Муи сразу понял, что перед ним отпрыск знатного рода. На фоне такого благородства собственная поспешность казалась еще более нелепой.

— Захотелось попробовать знаменитые деликатесы из местной лавки, — нехотя признался Муи.
— Но я был один, и на меня приметился похититель. Пришлось спасаться бегством. Еще раз прошу прощения, что сбил тебя с ног. Если нужно, мы можем зайти к лекарю.

Юный господин понимающе кивнул:

— Пустяки, всего лишь упал. Но подумать только — среди бела дня похитители так обнаглели!

Муи увидел в его глазах искреннее сочувствие. Голос мальчика смягчился:

— Сам виноват, потерял бдительность. Мне пора домой, еще раз извини.

— Иди скорее, ты весь в пыли, — улыбнулся тот.

Муи кивнул и зашагал прочь. Когда его фигура скрылась за углом, Шишу, до того хранивший молчание, не выдержал:

— Молодой господин, он же сбил вас! Неужели вы совсем на него не злитесь?

Мальчик — а это был Лю Цинье — вскинул брови:

— С чего бы? Он же не нарочно. Вы что же, хотели, чтобы я приказал вам его избить? Наша семья Лю всегда славилась своей ученостью и добродетелью. Где ваши манеры? Он младше меня, а вы двое решили сорвать злость на ребенке. Стыдно. На этот раз прощаю, но чтобы это было в последний раз.

Шишу и Шиянь покорно склонили головы, облегченно вздохнув.

Добравшись до подножия горы, Муи наконец перевел дух. Ладонь, сжимавшая кинжал, вспотела и стала липкой. Он быстро поднялся к хижине, разложил еду на кухне, а новые вещи отнес в комнату. Захватив сменную одежду, он поспешил к лесному ручью.

В прохладной воде мальчик смыл пот и дорожную пыль. Натянув новое платье нежно-бирюзового цвета, он перехватил волосы такой же лентой и обулся в черные сапожки. Муи обладал той редкой красотой, которую трудно назвать просто миловидной — в его чертах сквозило благородство и изящество, которое новый наряд лишь подчеркнул. Сам он, впрочем, свою внешность не жаловал, считая ее слишком «тонкой» для мужчины.

Несмотря на поздний час, он отправился на тренировочную площадку. Муи уже вполне уверенно владел основами, но Цуй Инлун строго запрещал ему переходить к сложным приемам Техники копья семьи Ян. Учитель боялся, что ученик в погоне за эффектными ударами забросит базу. Поэтому Муи снова и снова оттачивал простые выпады. Он чувствовал, как крепнут мышцы, как тело само, без участия разума, запоминает траекторию движения копья.

Растущий организм требовал своего — вскоре голод заставил его вернуться в хижину.

Муи накрыл на стол, расставил деликатесы и невольно вспомнил того мальчика из города. Его речь, манеры, отсутствие спеси... Было в нем что-то, вызывающее невольное уважение. «Наверное, это и есть настоящее воспитание книжной семьи», — подумал он, но тут же выбросил эти мысли из головы. Вероятность встретить его снова была ничтожно мала.

Впервые Муи остался в доме совсем один. Впервые учитель был так далеко. Тишина в столовой казалась непривычной, почти пугающей.

Окончив ужин, он вышел на прогулку и внезапно поймал себя на мысли, что скучает по Цуй Инлуну. По его ворчанию, по вечным шуткам и нелепым попыткам подразнить его. Именно эта легкая, порой дурашливая манера учителя помогла Муи окончательно забыть о прошлой жизни и о семье, которая его бросила. Цуй Инлун стал для него единственным близким человеком — тем, кто научил его не просто выживать, но и защищать себя.

«Первый же выход в город — и такой позор. Хорош ученик, нечего сказать», — Муи с досадой опустил на траву позади дома, чувствуя, как внутри нарастает уныние.

Когда сумерки сгустились, он вернулся в комнату и зажег свечу. Попытался читать, но строчки расплывались перед глазами. Тогда он решил заняться каллиграфией. Еще в прошлой жизни он знал: если на душе неспокойно — берись за перо.

Муи тщательно растер тушь, расправил бумагу и начал выписывать иероглифы. Цуй Инлун заставлял его учить строгий уставной стиль «кайшу», хотя самому Муи больше нравилась свободная скоропись «синшу». Поначалу он даже бунтовал, два дня не разговаривая с наставником, но в итоге сдался.

В тишине дома слышался лишь тихий шорох кисти о бумагу. Постепенно движения становились увереннее, а мысли — чище. Учитель всегда желал ему только добра, и Муи это знал.

<http://bllate.org/book/17388/1693433>